

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-39-43
УДК 94(100)(045)

Новое время и Третий Рим: о сложностях периодизации истории

С.В. Алексеев

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия;
Историко-просветительское общество «Радетель», Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается история и сущность понятия «Новое время». Отмечается, что логично сохранять первоначальный смысл этого термина, сложившегося в Западной Европе в эпоху Ренессанса и обозначавшего период начиная с XV в. В то же время обращается внимание на ущербность подхода, сдвигающего границы Нового времени на более поздние сроки в истории других государств и приравнивающего данный рубеж к вестернизации. При этом игнорируется как цивилизационная специфика, так и глобальный характер исторических изменений, наступивших в XV в. Также автор отмечает, что в русской философско-богословской мысли мировое «Новое время» хронологически совпадает с историей Третьего Рима – России как православной «мировой империи», преемницы средневековой Византии.

Ключевые слова: Новое время; Третий Рим; периодизация истории; Средневековье; Ренессанс; европоцентризм; вестернизация; государство-цивилизация; Российское царство; Российская империя

Для цитирования: Алексеев С.В. Новое время и Третий Рим: о сложностях периодизации истории. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):39-43. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-39-43

ORIGINAL PAPER

Modern Era and the Third Rome: Complexities of History Periodization

S.V. Alekseev

National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia;
Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper explores the history and essence of the *modern era* concept. It is logical to preserve the original meaning of this term, which developed in Western Europe during the Renaissance and designated the period starting from the 15th century. The flawed approach that shifts the boundaries of the modern era to a later date in the history of other states and equates this milestone with Westernization deserves attention. Both the civilizational specifics and the global nature of the historical changes that occurred in the 15th century are being ignored. In Russian philosophical and theological thought, the author stresses their view that the modern era coincides chronologically with the history of the Third Rome – Russia's Orthodox world empire and the successor to medieval Byzantium.

Keywords: modern era; Third Rome; periodization of history; Middle Ages; Renaissance; Eurocentrism; Westernization; state-civilization; Tsardom of Russia; Russian Empire

For citation: Alekseev S.V. Modern era and the Third Rome: Complexities of history periodization. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):39-43. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-39-43

Понятие «Новое время», или «Новая история», как известно, появилось в качестве компонента трехчастной периодизации истории в начале итальянского Возрождения. С идейной точки зрения оно представлялось тогдашним теоретикам «Возрождением», возвращением к культуре древности (Античности) после «срединного» периода «темных веков» (Средневековья). Трехчастная схема с определением современной истории как новой или новейшей в противовес Средним векам окончательно оформилась уже в «Истории флорентийского народа» Леонардо Бруни в 1442 г. [1] и закрепилась в западноевропейской науке в XVI–XVII вв. Для образованных людей Запада того времени стало аксиомой, что Средневековье закончилось, и они живут в Новом времени.

Вместе с тем это не застраховало западную историографию от позднейших попыток сузить понятие. Стремление определить четкую границу для Нового времени в пределах первого его столетия (начиная с падения Византии в 1453 г., плаваний Колумба или Реформации) корректировало термин весьма незначительно. Однако со временем появились намного более радикальные опыты — это было связано в основном с впечатляющими глобально-историческими изменениями в XVIII–XIX вв. Преобладающее и поныне в западной науке представление заключается в том, что эти изменения были подготовлены предшествующим развитием с рубежа XV–XVI вв. и должны быть отнесены к тому же историческому периоду. Однако довольно широко распространены и концепции «долгого Средневековья». Этот термин связан в первую очередь с классиком школы «Анналов» Ж. Ле Гоффом [2], «продлившим» Средние века (хотя не во всем последовательно) до крушения Старого порядка в ходе Французской революции.

Более умеренная теория «долгого Средневековья» была принята и затем возведена в догмат в советской исторической науке. События середины XVII в. (окончание Тридцатилетней войны, социальные конфликты, включая «Войны Трех королевств» на Британских островах) в западной историографии нередко отмечались как окончание «раннего» Нового времени и наступление Нового времени как такового. Советские же специалисты считали, что данный период начался с Английской буржуазной революции [3]. С точки зрения марксизма Новое время определялось как эпоха капитализма, и при оценке британских

событий как «буржуазной революции» такой подход становился логичным. Стоит, впрочем, заметить, что классики марксизма рассматривали в качестве первой и общеевропейской буржуазной революции Реформацию (частью которой можно считать и «Войны Трех королевств»).

У всех построений, сужающих понятие «Новое время», однако есть единственное, но весьма существенное слабое место. Они совершенно игнорируют тот факт, что «Новое время» — термин уже давно не «новый». Он возник в конкретную историческую эпоху в весьма конкретном значении. Как уже было сказано, образованные люди Запада в XVI–XVII вв. не сомневались, что живут в Новом времени, как и в том, что Средневековье завершилось (если вообще использовали подобную терминологию). Навязывать сложившимся и имеющим смысл терминам новые значения — не слишком правильный подход. Логичнее было бы отказаться от них и предложить иную терминологию. Однако даже советская историография, имея в своем распоряжении формационный подход и соответствующий понятийный ряд («эпоха феодализма», «эпоха капитализма»), на это не пошла. Правда, во Франции в качестве альтернативы «долгому Средневековью» принято считать началом «новейшей» или «современной» истории Французскую революцию [4], а в мировой практике — окончание Первой мировой войны. Хотя и здесь есть исключение — в англоязычной историографии границей считается окончание Второй мировой войны [5]. Как бы то ни было, период XV/XVI–XVII вв. в качестве «Раннего Нового времени» кажется наиболее обоснованным.

С другой стороны, с учетом истории термина, больше оснований начинать «Новую историю» незападных стран с распространения в них тех черт западной культуры (не в последнюю очередь — секуляризма и гуманизма), которые были заложены Ренессансом. Это, конечно, в определенной степени неизбежно в отношении тех обществ Нового Света и Тропической Африки, где быстрые социально-культурные изменения были принесены европейской колонизацией, прервавшей их естественное развитие. Однако подобные концепции позднего наступления Нового времени прилагаются также к развитым государствам XVI–XVII вв., существовавшим на протяжении всего дальнейшего периода.

В России подобная практика в научных и учебных трудах сложилась еще до революции, когда новой историей страны обычно считали ту, ко-

торая началась с правления Петра I. Тогда это было вполне логично, поскольку фактически соответствовало моменту, когда сложилось существующее политическое устройство. Более того, при отсутствии какой-либо общепринятой схемы всемирно-исторического подхода соотношение новой (т.е. современной) истории России и Новой истории в понимании западной науки оставалось необязательным. Но и после слома всей системы петровского государства, в советский период, рубеж Петровских реформ сохранился. В учебных пособиях окончание «первого» (древнего и средневекового) периода истории России сдвинулось в итоге даже к концу XVIII в. [6], — видимо, по аналогии с «долгим Средневековьем», — или к «окончанию эпохи феодализма» в 1861 г. [7]. Самым курьезным, пожалуй, следствием стало частое даже в академических изданиях (хотя, как правило, не исторического профиля) именование России XVI–XVII вв. «Древней Русью», абсурдное как с социально-, так и культурно-исторической точки зрения. К сожалению, иногда оно встречается и до сих пор. С другой стороны, именование соответствующего периода как «Средневековья» не просто встречается, а практически превалирует в отечественной науке.

Конечно, существует проблема, если так можно выразиться, «историографического» Нового времени — недостаток во многих государствах Старого Света письменных источников XVI–XVII вв. Разнообразные социальные и политические потрясения (включая и вторжения западных колонизаторов), позднее развитие архивного дела приводили к утрате массы исторических документов. Это сказывается на изучении истории Индии, государств Индокитая, Среднего Востока, ряда африканских регионов. Но к наиболее стабильным странам незападного мира — России, Османской империи, Китаю династий Мин и Цин, Японии (с XVII в.) — это не относится вовсе или относится лишь в незначительной степени. При всех связанных с военными действиями, пожарами и иными бедствиями утратах русская история была хорошо обеспечена документальным материалом уже в XV в., и на вполне «европейском» уровне — с XVII в.

Если термин «Новое время» означает просто процесс вестернизации, то он теряет значительную часть своего глобально-исторического значения. «Модернизация» при таком подходе оказывается просто синонимом «вестернизации», а иные ее возможности по умолчанию закры-

ваются. Новое время, таким образом, наступает только вследствие если не колониальной, то культурной экспансии Запада. Совершенно очевидно, что единственный источник представлений о позднем наступлении Нового времени за пределами Запада — европоцентризм. Применительно к России он является прямым игнорированием ее особенностей как государства-цивилизации.

Дополнительно усугубляет дело подмена реальной проблемы «догоняющего развития» большинства европейских и неевропейских стран по отношению к двум-трем технологическим лидерам (Англии, Франции, отчасти и позже Германии) мифом о «догоняющем развитии» всего неЗапада, включая Россию, во всех областях жизни. Между тем, основные социально-политические вехи Нового времени для России и Запада как целого синхронны, хотя конкретное их воплощение может заметно отличаться.

Государства с централизованным бюрократическим аппаратом и, как правило, единым законодательством складываются по всей Европе в XV–XVI вв.: во Франции — во второй половине XV в., в Англии — в последней четверти XV в., в России — во второй половине XV — первой трети XVI в., в Польше — на протяжении XIV — первой трети XVI в. (с последующим вторичным ослаблением центральной власти), в Испании — в последней четверти XV — первой половине XVI в. В Германии и Италии (кроме Южной, подконтрольной Испании) государства такого типа не сложились. Скандинавские королевства, напротив, оформились как вполне «централизованные» уже в XIII–XIV вв. При этом у многих стран имелась своя специфика. Например, во Франции сохранялись сеньориальные права и, соответственно, компактные владения даже ряда крупных феодалов вплоть до революции, которая кодифицировала общегосударственное право. В Испании до начала XVIII в. единство государства, унии трех древних королевств, не было юридически зафиксировано. В Польше уния 1569 г. с Литвой, сохранявшей еще удельное устройство, способствовала рефеодализации. В России же, при отсутствии подобных проблем и вследствие обширных размеров, медленно сказывались экономические последствия централизации. Часто приводимый пример — внутренние таможи, отмененные в 1754 г., намного позже, чем в Англии (к концу XV в.), но раньше, чем во Франции (1789 г.) и в Испании (1808 г.).

То же самое можно сказать и о другой характерной черте раннего Нового времени — абсолютной монархии. Стоит признать, что она отнюдь не универсальна в Европе, и ряд стран (Англия, Швеция, Польша) абсолютизма в точном смысле слова, за исключением попыток его установить, не знали. Там, где абсолютизм сложился, он устанавливался сложно и с перерывами, утвердившись во Франции к концу XV в. и затем вновь в начале XVII в., в Дании — в третьей четверти XVII в., в Испании окончательно — в начале XVIII в., в отдельных германских государствах — в XVIII в. Русское самодержавие имело глубокие отличия, восходя к византийскому идеологическому наследию, однако в основе имело те же эллинистическо-римские и христианские представления о централизованной монархической власти. Первый период его становления восходит ко второй половине XV–XVI вв. Затем, после Смуты и периода «земской монархии», с середины XVII в. формируется абсолютная монархия «западного» типа — процесс, завершённый Петром I. Особенностью России была относительная политическая стабильность на фоне западноевропейских потрясений «века революций» и, следовательно, большая устойчивость абсолютистского порядка. Однако это явление, с известными результатами «преодоленное» в начале XX в., связано было с цивилизационной, в том числе религиозной, спецификой, а не с отставанием.

Это заметно и по векам социальной истории. Прикрепление крестьян к земле с разной степенью ухудшения их социального статуса было характерно не для всех стран Европы Позднего Средневековья и Раннего Нового времени. Но практически во всей Восточной, Центральной и отчасти Северной Европе на протяжении XIV–XVI вв. существовало крепостное право. Отмена его происходила повсеместно на протяжении XVIII–XIX вв., причем в ряде стран (Австрия, Польша) потребовалась повторная отмена через некоторое время после «первичной». Процесс в германских государствах начался в 1780-х гг. (Баден) и завершился в 1832 (Саксония) — 1848 гг. (Австрийская империя). В Российской империи отмена началась в 1812–1819 гг. с Выборгской и Остзейских губерний, а завершилась на основной территории страны в 1861 г., с позднейшими установлениями для Польши и Закавказья. Последней территорией в Европе, где была отменена крепостная зависимость, стала подвластная Дании Исландия (1894 г., спустя более века после эмансипации собственно датских крестьян).

Итак, даже с точки зрения вполне «европейских» критериев социальной и политической истории Нового времени выводить за его скобки Россию XVI–XVII вв. и тем более позднейшего периода оснований нет. Однако богатая традиция отечественной историко-философской мысли побуждает искать и иные определители этой исторической эпохи за пределами европоцентризма. Наступление Нового времени было замечено на Западе. Но не было ли оно замечено и в России? И здесь самое пристальное внимание приковывает одна из традиционно, уже с XVI в., предлагаемых дат начала Новой истории — 1453 г. — падение Византийской империи.

Это событие, имевшее огромное значение для истории зарубежной Европы и, в силу образования Османской империи, для мусульманского мира, стало поворотным и для русского политического самосознания. Складывающееся Русское государство оказалось еще до падения Константинополя сильнейшей, а к концу XV в. — единственной независимой православной державой. «Вторая империя Рюриковичей», Московская Русь, вскоре названная Россией, осознала себя еще и наследницей Империи Ромеев, наследницей Рима. Идея, ясно сформулированная старцем Филофеем уже в начале XVI в., и до этого была вполне прозрачна для русской светской и духовной элиты. За принятие на себя бремени и достоинства православного царства соперничали Москва и Тверь, а уже Иван III титуловался царем, в том числе официально, добиваясь признания императорского титула от Запада. Приняв наследие православных империй и мировых царств де-факто и де-юре, Российское царство, а после, при всей «европеизации», и Российская империя сохраняли его как сердцевину государственной идеи до самого падения русской монархии. Нетрудно заметить, что история Третьего Рима хронологически строго соответствует Новому времени на Западе.

Интересно, что с падением Византии синхронизируется целый ряд ключевых для разных локальных цивилизаций мира исторических событий. Для Западной Европы — это окончание Столетней войны в том же 1453 г. На Дальнем Востоке в 1453 г. происходит захват Монголии ойратами, положивший конец «северноюаньской» Монгольской империи прямых наследников Чингис-хана. Для самой России 1453 г. — дата

окончания междоусобной борьбы в Московском княжеском доме, ставшей поводом и прологом к объединительной политике Ивана Великого. Стоит напомнить и о том, что даже в западной науке хронологические рамки Средневековья нередко определяются по времени существования Второго Рима — Византии.

Эпоха православной имперской государственности, православного царства в России и есть Новое время российской истории. В рамках же классической христианской историософии, исходящей из концепции смены и правопреемства мировых царств, эпоха Третьего Рима считалась бы подлинно «Новым временем» и для всего мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Santini E., Di Pierro C., ed. Rerum Italicarum Scriptores. Vol. 19.3. Leonardo Bruni Aretino. Historiarum florentini populi libri XII Citta di Castello: Lapi; 1914. 516 p.
2. Le Goff J. La civilisation de l'Occident médiéval, Paris: Arthaud; 1964. 693 p.
3. Косминский Е.А., Левицкий Я.А., ред. Английская буржуазная революция XVII в. Т. 1, 2. М.: Издательство АН СССР; 1954. 492+377 с.
4. Soboul A. La Civilisation de la Révolution française. Vol. 1, 2. Paris: Arthaud; 1970–1982. 636+546 p.
5. Brivati B. et al. The contemporary history handbook. Manchester: Manchester University Press; 1996. 488 p.
6. Рыбаков Б.А., ред. История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Высшая школа; 1983. 415 с.
7. Епифанов П.П., Мавродин В.В. История СССР с древнейших времен до 1861 года. М.: Просвещение; 1983. 576 с.

REFERENCES

1. Santini E., Di Pierro C., ed. Writers of Italian affairs. Vol. 19.3. Leonardo Bruni Aretino Histories of the Florentine people book XII Citta di Castello: Lapi; 1914. 516 p. (In Italian).
2. Le Goff J. The civilization of the medieval West, Paris: Arthaud; 1964. 693 p. (In French).
3. Kosminsky E. A., Levitsky Y. A., eds. English bourgeois revolution of the XVII century. Vol. 1, 2. Moscow: Izdatelstvo AN USSR; 1954. 492+377 p. (In Russ.).
4. Soboul A. The Civilization of the French Revolution. Vol. 1, 2. Paris: Arthaud; 1970–1982. 636+546 p. (In French).
5. Brivati B. et al. The contemporary history handbook. Manchester: Manchester University Press; 1996. 488 p.
6. Rybakov B. A., ed. History of the USSR from ancient times to the end of the 18th century. Moscow: Vysshaya shkola; 1983. 415 p. (In Russ.).
7. Epifanov P. P., Mavrodin V. V. History of the USSR from ancient times to 1861. Moscow: Prosveshchenie; 1983. 576 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Викторович Алексеев — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва, Россия; председатель, Историко-просветительское общество «Радетель», Москва, Россия

Sergey V. Alekseev — Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Department of History, National Research Nuclear University MEPHI; Chairman, Historical and Educational Society “Radetel”, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7513-2695>

ipo1972@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.10.2023; принята к публикации 15.11.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.10.2023; accepted for publication on 15.11.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.